

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

А.Я. Рубинштейн

**РАНЖИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ:
НАУЧНЫЙ МЕТОД ИЛИ «ИГРА В ЦИФРЬ»?**

(Доклад на Ученом совете ИЭ РАН)

Москва, апрель 2016

Рубинштейн А.Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифирь»?

Статья посвящена критическому анализу трех рейтингов российских экономических журналов, предложенных в последние годы, методология построения которых связана с данными РИНЦ, результатами экспертных опросов и комбинацией этих подходов. Выявлены принципиальные недостатки каждого из них и показано, что уязвимым местом таких разработок являются относительно произвольный выбор библиометрических индикаторов и их слабая корреляция с научным авторитетом журналов, недостаточно обоснованная процедура агрегирования используемых показателей и/или экспертных оценок, а также нерепрезентативность опросов экспертов. В работе представлен «пассивный эксперимент», в рамках которого сопоставлены результаты ранжирования журналов по указанным трем рейтингам и трем дополнительным критериям. Сделан общий вывод о невысоком уровне развития подобных исследований и отсутствии реальных оснований для применения указанных рейтингов в практике управления наукой и стимулирования труда ученых.

Ключевые слова: рейтинг журналов, библиометрические показатели, цитируемость, экспертные оценки, агрегирование, ранжирование.

Классификация JEL: A11, A14, I23.

Rubinstein A.Ya. Ranking Russian economic journals: a scientific method or "a game in figures"?

The article is devoted to a critical analysis of three ratings of Russian economic journals, proposed in recent years, a methodology of construction of which is connected with the data of Russian Science Citation Index (RSCI), with the results of expert surveys, and with a combination of these approaches. The fundamental flaws of each of them were revealed and it was shown that a vulnerable point of such developments are a relatively random selection of bibliometric indicators and their weak correlation with the scientific prestige of journals, an insufficiently substantiated procedure of aggregation of the indicators used, , and / or of the expert assessments, as well as a lack of representativeness of the experts surveys. A "passive experiment" was presented in this paper, in which frameworks the results of the ranking of journals were compared, according to the indicated three ratings, and to the three additional criteria. A general conclusion was made about the low level of development of these studies and about the lack of real grounds for application of the specified ratings in the practices of the management of science and of stimulation of the work of scientists.

Keywords: rating of journals, bibliometric indicators, citations, expert assessments, aggregation, ranking

Classification JEL: A11, A14, I23.

Введение

Ранжирование журналов - довольно сложная задача, решение которой в настоящее время, по-видимому, не имеет достаточных научных оснований или, по крайней мере, сильно затруднено в силу ряда причин.

Во-первых, это обусловлено отсутствием измеряемых показателей, непосредственно характеризующих качество научных статей и значимость самих изданий, где они опубликованы. Это относится и к базе данных РИНЦ, и к известным международным базам - Web of Science (WoS), SCImago Journal Rank (SJR - Scopus), Social Science Research Network (SSRN), Research Papers in Economics (RePEc), Source Normalized Impact per Paper (SNIIP), отличающимся от РИНЦ совокупностью индексируемых объектов¹, но практически совпадающими с ней по своему аналитическому инструментарию. Во всех этих базах главным образом используются показатели числа публикаций, количество цитирований и среднее число цитирований в расчете на одну публикацию, индекс Хирша (h-index), индекс Херфиндаля, различные модификации импакт-факторов, а также многочисленные комбинации этих индикаторов, включая итеративные процедуры присвоения «престижа», использующие алгоритм PageRank, разработанный создателями Google. С позиций же ранжирования журналов библиометрические данные, в основе которых лежат цитирование и постатейные списки литературы, указывают, да и то косвенно, лишь на «влияние» той или иной работы на исследование других авторов² и являются нечувствительными непосредственно к содержанию статей. Поэтому попытки использования этих показателей для определения отношения «лучше-хуже» почти всегда оказываются в плену произвола их интерпретации.

Во-вторых, информационная база РИНЦ построена на единых принципах для всех направлений научных исследований от математики до искусствоведения. И в этом смысле для решения задачи ранжирования журналов необходимо определить какие-то дополнительные индикаторы, отражающие особенности каждого направления науки. Иначе придется сравнивать на основе единых кри-

¹ При этом ряд авторов считают необходимым опираться на базу РИНЦ. Так, объясняя данный вывод результатами исследования В. Пислякова (*Писляков (2011)*), Е. Балацкий и Н. Екимова пишут, что: «... оценки представленности российских экономических журналов в базе «Web of Science» (WoS) говорят о бесперспективности использовать этот источник информации в ближайшие не только годы, но и, может быть, десятилетия» (*Балацкий, Екимова (2015а, с. 103-104)*).

² Хочу обратить внимание при этом на невысокую культуру цитирования и рискну предположить даже, что большинство российских исследователей цитируют «не смыслы, а имена». Безудержное цитирование Маркса и руководителей коммунистической партии в советские времена трансформировалось в новый феномен «цитирования ради цитирования» и непререкаемый приоритет ссылок на зарубежных авторов - представителей «настоящей науки». В какой-то мере отечественные экономисты (возможно, и не только они) стали жертвой Закона Гудхарта: когда навязанное достижение некоторого показателя становится целью, оно приводит к содержательно противоположным результатам. Так, из-за неоправданного акцентирования «менеджерами науки» индексов цитирования появились «чемпионы» с некачественными статьями и платные журналы, публикующие такие статьи за деньги.

териев, скажем, «Успехи математических наук» с журналом «Акушерство и гинекология». Причем простое выделение группы журналов, относящихся к экономическим исследованиям, вряд ли будет достаточным. В известной степени положительный пример демонстрирует проект НИУ ВШЭ, авторы которого сделали первый шаг и разделили «экономику» и «менеджмент». Не уверен, что и такое разделение является достаточным. При этом остается неясным, какие дополнительные индикаторы следует использовать для анализа публикаций в различных разделах экономической науки и, главное, каким может быть их источник, если только не интуитивное понимание неких экспертов.

В-третьих, уже известные попытки ранжирования – выделение журналов по списку ВАК и импакт-фактору (двух или пятилетнему), свидетельствуют о довольно слабой их корреляции с научной значимостью журналов. Речь идет о двух «чистых» подходах: в одном случае журналы разделены на две группы на основе оценки экспертов, в другом сконструирован рейтинг журналов на базе библиометрической информации. И если список ВАК отражает исключительно частное мнение небольшой группы экспертов и разделяет журналы отдельно по каждому направлению науки на две группы «достойных» и «не очень достойных» изданий, то импакт-фактор присваивает всей совокупности научных журналов соответствующие значения рейтинга, не отделяя, скажем, математику от культурологии или стоматологии. И, главное, оба вида ранжирования также оказываются почти не чувствительными к научному содержанию статей и значимости журналов.

В-четвертых, ранжирование журналов довольно сильно зависит от времени. Это связано и с тем, что одни журналы имеют длительную историю, другие созданы совсем недавно. И, если бы ранжирование журналов проводилось, скажем, 10-15 лет назад, то в нем не были бы учтены новые издания, занимающие сегодня высокие места. Но дело не только в этом. Ситуация в журналах меняется постоянно: одни журналы набирают популярность, другие, наоборот, постепенно ее утрачивают. Поэтому не может быть и постоянного рейтинга журналов. Он изменяется, что требует регулярного мониторинга всех его составляющих. В этом смысле импакт-фактор, вроде бы, удовлетворяет данному требованию, но в силу своих хронических недостатков не может быть признан в качестве объективного рейтинга российских журналов. Пересмотр же списка ВАК также не дает общего решения проблемы.

В-пятых, популярность журнала зависит от многих факторов, в том числе от его тиража, системы распространения, состава редколлегии, индексирования в международных базах данных, Интернет-доступности и, быть может, самое главное - от требований к публикуемым статьям. Причем, последний параметр играет двоякую роль. С одной стороны, чем выше требования, тем больший авторитет и значимость приобретает журнал в глазах продвинутой группы экспертов – авторов, рецензентов, читателей. С другой стороны, умеренные требо-

вания к статьям явно расширяют круг авторов и аудиторию читателей, увеличивая тираж Журнала и повышая его популярность. Поэтому остается не до конца ясным, на что должен быть ориентирован конструируемый рейтинг. Приведу простой пример с двумя журналами – «Вопросы экономики» и «Журнал НЭА». Если с большим весом в рейтинг будут входить «строгие требования» к статьям, то Журнал НЭА, наверное, займет более высокую позицию, нежели «Вопросы экономики». Если же больший вес имеют «умеренные требования», то будет наблюдаться инверсия рангов.

В-шестых, при построении рейтинга на базе некоего набора показателей (неважно, экспертных оценок и/или библиометрических индикаторов) возникает проблема их агрегирования. И здесь, как и в приведенном примере, результат существенным образом зависит от весовой функции, с помощью которой суммируются указанные показатели. К сожалению, в существующем массиве публикаций на эту тему выбор весов чаще всего теоретически не обоснован и решается произвольным образом, что явно снижает ценность результатов. Использование же для агрегирования методов многомерной статистики – главных компонент, автоматической классификации, кластерного анализа, метода ближайшего сходства и др., сопряжено с известными трудностями содержательного характера, с интерпретацией полученных результатов. При этом для экспертных оценок недостаточным, как правило, является число наблюдений, для библиометрических показателей – отсутствие индикаторов, непосредственно характеризующих качество статей и научной значимости журналов.

Все эти обстоятельства хорошо известны и о них неоднократно упоминалось в соответствующей литературе. Вместе с тем, в последние 10-15 лет наблюдается возрастающий поток публикаций на данную тему (*Аукуционек, Чуркина (2002), Дежина, Дашкеев (2008), Писляков (2007, 2011), Федорец (2009), Муравьев (2011, 2013), Балацкий (2015), Балацкий, Екимова (2015а, 2015б, 2015в)*). При этом указанным проблемам, как мне кажется, должного внимания не уделяется, и при достаточно вольных допущениях рассматриваются часто теоретически необоснованные интерпретации. Более того, нередко полученные таким образом результаты предлагается использовать в реальной практике управления наукой для оценки эффективности ученых и научных изданий.

После этого краткого введения, носящего самый общий характер, рассмотрим три, конкретные публикации последнего времени, посвященные построению рейтингов российских экономических журналов и их ранжированию на основе: а) только библиометрических показателей (*Муравьев (2013)*), б) исключительно экспертных оценок (*Проект НИУ ВШЭ ... (2015)*) и в) комбинации указанных «чистых» подходов (*Балацкий (2015)*).

1. Рейтинг А. Муравьева (2013)

В отличие от исследований в «доринцевскую эпоху», носивших, в основном, экспертный характер и посвященных не столько ранжированию журналов, сколько созданию списка российских экономистов, упорядоченных по уровню публикационной активности в российских изданиях (*Аукуционек, Чуркина (2002)*), а также с учетом их зарубежных публикаций, индексированных в базе данных RePEc (*Дежина, Дашкеев (2008)*), в работе А. Муравьева (*Муравьев (2013)*) представлен рейтинг журналов, построенный исключительно на библиометрических показателях РИНЦ. И в этом смысле работу А. Муравьева можно считать пионерской, принадлежащей тем исследованиям, которые открыли новую страницу в проблематике ранжирования журналов.

В рамках данного исследования был создан массив наблюдений, сформированный на основе выборки из 215 журналов и более 50 тыс. статей в период 2010-2011 гг., состоящий из 400 тыс. процитированных источников. Результатом обработки этих данных о цитировании стал алгоритм построения рейтинга журналов, на основе которого автор предложил соответствующий вариант их ранжирования, отвечающий критерию «интуитивного правдоподобия».

Однако, учитывая специфику библиометрической информации, в фундаменте которой лежат в основном показатели цитируемости и, главное, их сомнительную связь с научной значимостью статей и журналов, где они опубликованы, непосредственно сам этот рейтинг и алгоритм его построения вызывают определенные сомнения и довольно серьезные опасения в отношении его практической применимости. В качестве обоснования такого вывода приведу фрагмент из работы Р. Адлера, Дж. Эвинга и П. Тейлора:

«Использование только данных цитирований дает, в лучшем случае, неполное, а зачастую поверхностное понимание научного исследования—понимание, пригодное только тогда, когда оно подкрепляется другими оценками. Числа по сути отнюдь не лучше, чем разумное суждение. Использование данных цитирований для оценки научных исследований в конечном счете означает использование основанных на цитатах статистик для ранжирования объектов - журналов, статей, людей, программ и дисциплин. Статистические инструменты, используемые для ранжирования этих объектов, часто неправильно понимаются и неправильно используются» (*Адлер, Эвинг, Тейлор (2011, с.6-7)*).

Приведу конкретный пример, относящийся к методологии построения данного рейтинга, к отбору показателей. Речь идет об ансамбле из четырнадцати библиометрических индикаторов, составляющих основу рейтинга А. Муравьева, которые, как полагает автор, достаточно легко интерпретируются в российском контексте. Так, по замыслу автора, за качество статей и академический вес издания отвечают следующие показатели: 9 - доля ссылок на научные журналы в общем числе ссылок; 10 - доля ссылок на международные источники в общем числе ссылок; 11 - доля ссылок на международные научные журналы в общем числе ссылок; 12 - средний возраст цитируемых источников (во внима-

ние принимаются только международные журналы). Для обоснования данной части набора индикаторов в работе сформулирован ряд гипотез, на основе которых предложена итоговая интерпретация указанных показателей:

«... можно предположить, что ... *расширение списка литературы* (в российских реалиях) повысит академическую значимость соответствующего издания. Равным образом, позитивный вклад вносит и увеличение доли ссылок на статьи в научных журналах. В российском контексте - учитывая фактическую изоляцию российских ученых от мировой экономической науки - особую актуальность приобретают *ссылки на зарубежные периодические издания*. Такие ссылки свидетельствуют об *интеграции* (пусть и односторонней, поскольку российские журналы практически не цитируются в зарубежных источниках) соответствующего журнала *в мировое научное пространство*» (Муравьев (2013, с.137))³.

«Показатели 9 - 12 отражают качество цитируемой в журнале литературы. В частности, высокие значения показателей 9 - 11, при прочих равных условиях, свидетельствуют о большом академическом весе издания, включая его вовлеченность в мировой дискурс» (Муравьев (2013, с.138)).

Замечу, что даже при «прочих равных условиях» трудно найти подтверждение этих гипотез и выделить среди приведенных показателей хотя бы один индикатор, который непосредственно связан с «большим академическим весом издания». Возможно, могли появиться большие основания для выбора указанных 14 индикаторов, или, наоборот, для отказа от ряда из них, если бы рассматривались предложения других авторов⁴ с объяснением того, из каких соображений нужно пользоваться предлагаемым, а не каким-то иным набором показателей. Вполне вероятно, что в «прочих равных условиях», которые не находят отражение в библиометрических данных, как раз и содержится информация, характеризующая уровень статей и авторитет журналов.

Замечу также, что простое сравнение ранжирования журналов по импакт-фактору и рейтингу А. Муравьева не дает оснований для оценки того, какой из них более «правильный». И то обстоятельство, что «недостатки импакт-фактора как измерителя научной значимости журнала, ... активно обсуждаются в литературе по библиометрии» (Муравьев (2013, с.138, 143)), еще не превращает предложенный рейтинг в приемлемый критерий. Оба рейтинга используют лишь библиометрические показатели и их производные, оба рейтинга «дают, в лучшем случае неполное, а зачастую поверхностное понимание научного исследования – понимание, пригодное только тогда, когда оно подкрепляется другими оценками» (Адлер, Эвинг, Тейлор (2011, с.6)).

Кроме хронической уязвимости применения РИНЦ-индикаторов для оценки качества статей и научной значимости журналов, в данном исследовании проявилась и другая известная проблема, типичная для задачи «свертыва-

³ Я склонен думать, что подобная интерпретация указанных индикаторов является еще одним проявлением уже опоминавшегося Закона Гудхарта.

⁴ См.: (Писляков (2007), Алескерев, Писляков, Субочев, Чистяков (2011)), а также (De Solla Price (1970), Schubert, Glänzel (1986), Moed (1989), Nisonger (1999)).

ния» набора параметров в единый критерий. Речь идет о процедуре агрегирования исходных библиометрических показателей. В работе представлен подход, в соответствии с которым 14 показателей объединяются «в пять обобщенных статистик». При этом использован алгоритм, который предусматривает расчет обобщающих статистик в виде суммы нескольких стандартизованных показателей, и, главное, равные веса для всех отобранных показателей (*Муравьев (2013, с.139)*). Обосновывая такой подход, автор пишет:

«Подчеркнем, что описан один из возможных алгоритмов агрегирования и анализа. Примеры и обсуждение других вариантов можно найти в работах Алескерова и Якубы (2007) и Федорца (2009)» (*Муравьев (2013, с.140, сн.20)*).

Замечу, что ссылка на работы, где «обсуждаются другие варианты» агрегирования, ничего не добавляет к обоснованию собственного алгоритма, и решение выбрать равные веса кажется просто сомнительным. Сошлюсь здесь на работу (*Алескеров, Катаева, Писляков, Якуба (2013)*), которые пишут, что:

«Классическим решением задачи ранжирования альтернатив, оцениваемых по нескольким критериям, является вычисление взвешенной суммы значений критериев для каждой из альтернатив и их упорядочение по этой величине. Однако у этого метода есть серьезное ограничение – необходимость теоретического обоснования возможности суммирования и выбора весов» (*Алескеров, Катаева, Писляков, Якуба (2013, с.179)*).

К сожалению, ни одно из этих условий не было выполнено: процесс суммирования не обоснован и совершенно произвольным образом выбрана весовая функция. Обращает на себя внимание и следующая констатация автора:

«Эксперименты с использованием метода главных компонент (МГК), основной альтернативы предложенному алгоритму, оказались в целом неудовлетворительными в виду сложности (неоднозначности) интерпретации выделенных компонент» (*Муравьев (2013, с.139, сн.17)*).

Ничего неожиданного здесь нет. Трудно представить, как из цитируемости можно вывести содержательные суждения о научном уровне публикаций или значимости журналов. Числа действительно «не лучше, чем разумное суждение». По-видимому, отсутствием надежных показателей качества статей и значимости журналов можно объяснить неудачи с методами многомерной статистики при том, что 400 тыс. наблюдений, вроде бы, подталкивают к их использованию.

Однако, даже трудности эффективного применения компонентного анализа не могут отменить «необходимость теоретического обоснования возможности суммирования и выбора весов». Кроме того, использование суммы стандартизованных показателей с ограничением «выбросов» (*Муравьев (2013, с.139)*) ведет к очевидной потере информации, о чем неоднократно предупреждали специалисты, например, те же (*Адлер, Эвинг, Тейлор (2011, с.7)*).

В целом же, оценивая первый из анализируемых рейтингов (*Муравьев (2013)*), следует констатировать, что мы имеем дело в сущности с малоинформативным (для целей ранжирования журналов) набором библиометрических

показателей, с достаточно произвольной интерпретацией последних и необоснованной процедурой их агрегирования. Данный рейтинг, по-видимому, можно рассматривать как результат формального подхода, который не создает новых знаний в отношении рассматриваемых журналов. Здравый смысл и «интуитивное правдоподобие» по-прежнему остаются главным критерием, по которому оценивается эффективность ранжирования по сконструированному или подобранному рейтингу.

Вернусь к выводу Р. Адлера, Дж. Эвинга и П. Тейлора о том, что использование данных о цитировании пригодно лишь тогда, когда они дополнены другими оценками. О каких же оценках может идти речь? Для ответа на данный вопрос нужно понять, что вообще может лежать в основе рейтинга журналов, какова «философия» этого показателя. Можно ли его строить на базе каких-то библиометрических характеристик, включая их производные, или он должен отражать отношение людей, генерирующих указанное выше «правдоподобие», в данном случае экспертного сообщества – пользователей журналов?

Ответ на этот методологический вопрос определяет возможные подходы к решению задачи ранжирования российских журналов. Рискну предположить, что ранжирование научных журналов без измерения мнения экспертного сообщества останется лишь «игрой в цифирь». При этом даже скорректированные и улучшенные библиометрические статистики, очищенные от всевозможных выбросов и манипуляций (*Балацкий, Екимова (2015б)*), могут играть лишь косвенную роль, создавая информационный фон для экспертных оценок. Основываясь на данном выводе, можно перейти к анализу двух других рейтингов – Е. Балацкого и НИУ ВШЭ.

2. Рейтинг Е. Балацкого (2015)

Рейтинг, предложенный Е. Балацким (*Балацкий (2015), Балацкий, Екимова (2015а)*), основан на несколько ином наборе библиометрических показателей, но главное его отличие от рейтинга А. Муравьева состоит в дополнительном использовании экспертных оценок. Как указывают сами авторы этого рейтинга:

«Новизна предлагаемого РЭЖ (*рейтинг экономических журналов – А.Р.*) состоит в объединении двух оценочных процедур: объективной, основанной на обработке библиометрических данных системы Российского индекса научного цитирования РИНЦ, и субъективной, с учетом мнения экспертов» (*Балацкий, Екимова (2015а, с.100)*)

Построение рейтинга Е. Балацкого основано на трехэтапной процедуре, охватившей 50 журналов из 872 изданий, зарегистрированных в системе РИНЦ в 2015 г. На первом этапе рассматриваются четыре библиометрических показателя - общее число цитирований журнала, его пятилетний импакт-фактор, пятилетний индекс Херфиндаля-Хиршмана, учитывающий, по аналогии с известной оценкой монопольной власти или концентрации рынка, «возможный сговор

журналов в отношении перекрестных ссылок друг на друга», а также индикатор времени полужизни статей, процитированных в текущем году, характеризующий «временную глубину цитирования и отражающий степень фундаментальности и сохранения актуальности материалов издания» (Балацкий, Екимова (2015а, с.103)). При этом авторы подчеркивают, что:

«... журналы характеризуются многими РИНЦ-показателями, которые дают принципиально разные результаты ранжирования. В связи с этим из всего массива РИНЦ-параметров журналов надо отобрать самые главные и агрегировать их в итоговый показатель» (Балацкий, Екимова (2015а, с.102)).

К сожалению, данное замечание осталось лишь декларацией, за которой не последовало обоснования выбранных РИНЦ-показателей, если не считать авторских объяснений (мотивированных необходимостью снизить уровень манипулирования в среде научных журналов), почему не следует ограничиваться одним из четырех индикаторов или их неполным набором. При этом ни один из указанных показателей не стал объектом теоретического анализа и осталось неясным, почему, собственно, их можно отнести к «самым главным» и какова их связь с содержанием статей и научной значимостью журналов.

Остался непонятным и другой аспект работы Е. Балацкого и Н. Екимовой. Если речь идет о научном методе, а у меня нет оснований для сомнений в намерениях авторов, то возникает резонный вопрос, как при создании нового рейтинга журналов учитывались результаты других исследователей, которые были опубликованы в предшествующий период. Для частичного ответа на этот важный вопрос имеет смысл процитировать самих авторов, предложивших свой вариант ранжирования журналов:

«Заметным событием в рассматриваемой области стали работы А. Муравьева, в которых автор провел тщательный анализ экономических журналов с использованием данных РИНЦ (Муравьев, 2011; 2012; 2013). Помимо традиционных данных о цитировании, он использовал специальные параметры статей, чтобы оценить качество их содержания» (Балацкий, Екимова (2015а, с.101)).

После такого заявления можно было ожидать, что в исследовании Е. Балацкого и Н. Екимовой будет использован (хотя бы на первом этапе) тот ансамбль библиометрических индикаторов, который предложил А. Муравьев. В случае же сознательного отказа от этого набора было бы полезным познакомить читателей с аргументацией такого решения и с теми преимуществами, которые, по мнению авторов, обеспечивает иная совокупность показателей. Думается, эта дискуссия имела бы самостоятельную ценность, ибо в ней могли проявиться теоретические суждения, указывающие на связь библиометрических показателей с качеством публикаций и значимостью журналов, необходимую для научного метода их ранжирования. Этого не произошло, и в рассматриваемом исследовании был просто использован иной набор РИНЦ-показателей, без всяких объяснений и оглядки на работы других авторов.

Понятно, что рейтинг, предложенный Е. Балацким (*Балацкий (2015), Балацкий, Екимова (2015a)*) страдает всем комплексом недостатков, присущих показателям, основанным на информации РИНЦ, и содержит массу произвольных допущений, о которых уже было сказано при анализе рейтинга А. Муравьева. Однако, в отличие от А. Муравьева, данный факт признают и его авторы, указывая на отсутствие прямой связи библиометрических показателей с научным уровнем статей и журналов, где они были опубликованы:

«Расчеты подтверждают, что даже комплекса РИНЦ-показателей не хватает для адекватного ранжирования экономических журналов. Например, «Журнал Новой экономической ассоциации» по агрегированному РИНЦ-рейтингу оказывается на 48-м месте, а по экспертным оценкам он выходит на 1-е. Можно привести много примеров подобных противоречий, что свидетельствует об отсутствии прямой связи между РИНЦ-популярностью журнала и его научным уровнем» (*Балацкий, Екимова (2015a, с.106)*)

Если рейтинг А. Муравьева можно отнести к начальной фазе РИНЦ-исследований, то рейтинг Е. Балацкого и Н. Екимовой характеризует следующий шаг в решении проблем ранжирования журналов. В связи с этим следует рассмотреть второй этап его построения, где дополнительно вводятся пять качественных показателей, основанных на экспертной оценке: академических стандартов оформления журналов; полноты и сбалансированности библиографии; доступности в Интернет-пространстве; репутации журнала у авторов; научного уровня журнала. При этом все указанные показатели определяются посредством опроса экспертов в режиме «открытого диалога» (*Балацкий, Екимова (2015a, с.104)*).

Следует подчеркнуть, что и на втором этапе, при выборе пяти качественных показателей, ему не предшествовал теоретический анализ и также, как и в случае с РИНЦ-индикаторами, осталось неясным, почему именно эти характеристики журналов должны быть учтены при построении рейтинга. Исключение составляют лишь два показателя, непосредственно связанные с оценкой научного уровня журнала и его репутации у авторов. Отмечу, что и на данном этапе построения рейтинга «за кадром» остались соображения авторов, почему в работе не использованы результаты предыдущих исследований⁵.

Неоправданная свобода авторов в выборе показателей сопровождается и ничем необоснованной процедурой их агрегирования. Так, на первом этапе агрегированный рейтинговый бал определяется на основе взвешенной суммы нормализованных библиометрических показателей с произвольно выбранными равными весами - 0,25 (*Балацкий, Екимова (2015a, с.103)*). При этом в работе не представлены никакие аргументы, почему, например, 5-летний индекс Херфин-

⁵ Широко известен, например, следующий список характеристик «хорошего журнала»: высокие стандарты принятия рукописей; широкая представительная редакционная коллегия; использование системы двойного анонимного рецензирования; быстрота публикации; отражение в большинстве реферативных и индексных служб; высокий уровень доверия к журналу со стороны учёных; высокая частота цитирования другими журналами (*Zwemer (1970), Rousseau (2002), Федорев (2009)*).

даля и общее число цитирований журнала должны входить с равными весами; как и непонятно, почему такой же вес должен быть и у показателя, характеризующего временную глубину цитирования.

Опять же произвольным образом, без каких-либо теоретических обоснований предложена формула агрегирования качественных показателей на втором этапе построения рейтинга:

«Наибольшее значение (0,6, то есть больше половины) присвоено индексу научного уровня журнала, так как этот параметр отражает его содержательную составляющую и выступает ведущим качественным индикатором. Суммарный вес остальных показателей (0,4) распределен равномерно между четырьмя другими экспертными параметрами (Балацкий, Екимова (2015б, с.105)).

Надо сказать, что подобная весовая функция для указанного набора экспертных оценок содержит очевидные изъяны даже для произвольно выбранных весов. Кажется сомнительным, например, уравнивание весов таких индикаторов, как «репутация журнала у авторов» и «доступность в Интернет пространстве». Тем более, что для ряда журналов ограниченная доступность в Интернет пространстве является предметом маркетинговой политики, не снижающей авторитет журнала (например, «Вопросы экономики»). Хотя, для произвольно выбранной весовой функции эти аргументы, наверное, покажутся бессмысленными.

На третьем этапе агрегированные библиометрические показатели (первый этап) и агрегированные экспертные оценки (второй этап) суммируются с помощью выбранных из общих соображений весов 0,4 и 0,6 соответственно (Балацкий, Екимова (2015а, с.104)). И здесь возникает очевидный вопрос, а почему, собственно, не 0,3 и 0,7, а еще лучше 0,1 и 0,9; и совсем хорошо 0 и 1?

Такой способ агрегирования, очевидно, не украшает новый рейтинг. И все же, следует почеркнуть, что данный подход использует экспертные оценки, без которых можно получить «в лучшем случае неполное, а зачастую поверхностное понимание научного исследования» (Адлер, Эвинг, Тейлор (2011, с.6)). Этим рейтинг Е. Балацкого выгодно отличается от рейтинга А. Муравьева. Вместе с тем, как иногда бывает, достоинство рейтинга Е. Балацкого оборачивается одновременно и его серьезным недостатком, не позволяющим проводить адекватное ранжирование журналов. Это связано с тем, что в указанной экспертной оценке участвовало всего лишь три (!) эксперта. Понятно, что подобная процедура, даже когда она улучшена за счет применения «метода открытого диалога», радикально ухудшает полученные результаты.

В целом же, оценивая рейтинг Е. Балацкого, следует констатировать, что, несмотря на определенное продвижение по сравнению с рейтингом А. Муравьева, и здесь мы имеем дело с таким же, малоинформативным (для целей ранжирования журналов), набором библиометрических показателей, с их дополнением отдельными качественными показателями, полученными на основе оценок

трех экспертов и произвольно выбранными весовыми функциями. Предложенный Е. Балацким рейтинг российских журналов можно позиционировать лишь в качестве примера, демонстрирующего комбинированный подход, или в качестве рейтинга отдельной общности из пяти человек – двух авторов и трех экспертов. Его практическое значение совсем утрачивается, если согласиться с самими авторами статьи, в которой был предложен этот рейтинг:

«... главный итог проведенной работы состоял в том, что был продемонстрирован факт существования в России нескольких сообществ экономистов, успех которых определяется разными критериями» (*Балацкий, Екимова (2015а, с.101)*).

И хотя данный вывод не является результатом конкретных социологических исследований или других методов стратификации научного сообщества, лично я склонен с ним согласиться. Исходя из такого понимания, имеет смысл проанализировать третий рейтинг, предложенный в проекте НИУ ВШЭ (2015).

3. Рейтинг Высшей школы экономики (2015)

Исследование по ранжированию российских научных журналов, выполненное НИУ ВШЭ в течение 2014-2015 гг., исходно носило прагматический характер. Речь идет о задаче получения информации о количестве и качестве статей, статусе журналов, где были они опубликованы, с целью повышения эффективности приема на работу научных и педагогических сотрудников и назначения академических надбавок к зарплате. Рейтинг Вышки был впервые представлен на XVI Апрельской международной конференции. Приведу фрагмент одного из выступлений на круглом столе этой конференции:

«Не секрет, что мы живем в период тотального увлечения библиометрией и рейтингами. И мы прекрасно понимаем несовершенство любых подсистем формальных количественных измерений. Главная проблема заключается в необходимости измерять неизмеряемое...» (*Радаев, Юдкевич, Стерлигов (2015, с.1)*).

Создатели рейтинга российских журналов, разработанного «Вышкой», решили «измерять неизмеряемое» путем экспертного опроса, охватившего более 600 российских и зарубежных (из 20 стран) экспертов в различных областях науки, и полностью отказались от использования библиометрических показателей, указав на их недостаточную надежность и отсутствие адекватных индикаторов качества публикаций и научного уровня журналов (*Проект НИУ ВШЭ ... (2015)*). В этом смысле данный рейтинг открывает еще одну страницу в решении проблемы ранжирования. Его отличительной чертой стало непосредственное измерение мнения экспертного сообщества, обладающего интуитивным знанием в отношении научного уровня и популярности российских журналов.

При этом в указанном проекте рассматривались только те направления науки, которые являются приоритетными для «Вышки». Собственно, начиная с этого момента, селективный подход, характерный для данного исследования, проявлялся на всех его фазах. Кроме того, в соответствии с замыслом авторов

этого проекта, экономические журналы были исходно разделены на две группы – «менеджмент» и «экономика». Считая данное обстоятельство положительным фактом, следует отметить, что оно создает и некоторые трудности для сравнения ранжирования журналов по рейтингам А. Муравьева и Е. Балацкого с результатами «Вышки».

В наибольшей степени селективный подход проявился при непосредственном выборе экспертов для оценки российских журналов по каждому научному направлению. Так, сама процедура отбора экспертов была построена по принципу «снежный ком»⁶. На первом его этапе координаторами проекта были выбраны эксперты «верхнего уровня», каждый из которых на втором этапе представил список из 25 кандидатур, послуживший базой для специалистов НИУ ВШЭ, которые отобрали уже конечную группу экспертов и предложили последним заполнить соответствующую анкету. В целом, по каждому направлению было опрошено не менее 7 экспертов верхнего уровня и не менее 40 номинированных ими конечных экспертов, которые заполнили в совокупности более 10 тыс. анкет (*Проект НИУ ВШЭ... (2015, с.2)*). Стартовые списки журналов были сформированы на основе данных РИНЦ с исключением из их числа изданий, выходящих с периодичностью менее двух раз в год. И рассматривались только те журналы, редакции которых находятся на территории Российской Федерации, язык публикации при этом мог быть любым. Важно подчеркнуть также, что в ходе экспертизы респонденты (эксперты) имели право самостоятельно дополнять исходные списки журналов (*Проект НИУ ВШЭ ... (2015, с.2)*).

Нет смысла подробно останавливаться на вопросах анкеты, которую заполняли эксперты. Следует отметить лишь то, что основная масса вопросов была «закрытыми», то есть респонденту предлагалось выбрать одну из возможных альтернатив по каждому вопросу. К этому добавлю, что в анкете были сформулированы прямые вопросы, ответы на которые генерировали оценку экспертами новизны и актуальности публикуемых статей, их научного уровня, а также давали ответ на вопрос, занимает ли данный журнал лидирующее положение. Пожалуй, в части анкеты особых претензий нет, хотя, как и любая другая анкета, данный вопросник также может быть усовершенствован с применением более тонкого инструментария.

На основе ответов респондентов на вопросы анкеты были определены пять критериев включения каждого журнала из общего списка по соответствующему направлению в следующие условные группы: «А1» – высокий уро-

⁶ На сказать, что метод «снежного кома» уже использовался в экспертном опросе (*Дежина, Дашкеев (2008, с.12)*): на первой его фазе было выбрано 10 экспертов, каждый из которых назвал 10 лучших российских экономистов; на второй фазе в качестве экспертов выступали экономисты, которые не были экспертами в первом раунде, но по его итогам были названы более двух раз. В результате отобраны 55 ведущих экономистов страны. См также (*Балацкий, Екимова (2015а, с.101)*).

вень, «широкий профиль»; «А2» – высокий уровень, «узкий профиль»; «В» – средний уровень. В качестве примера, приведу критерии отнесения журнала в группу «А1». В эту группу попадают журналы, если:

- Не менее 80% отметили данный журнал как известный им научный журнал
- Не менее 80% из них читали статьи этого журнала за последние три года
- Не менее 50% отметивших журнал респондентов оценивают актуальность прочитанных статей как высокую
- Не менее 70% отметивших журнал респондентов оценивают научный уровень прочитанных статей как высокий
- Не менее 70% отметивших журнал респондентов считают журнал лидирующим в России или в мире и России.

Понятно, что отнесение журналов ко второй и третьей группе - «А2» и «В», отличается пороговыми значениями указанных выше критериев. Замечу, что способ построения критериев и выбор пороговых значений, по существу, никак не обоснован. Иначе говоря, и в данном случае мы сталкиваемся с проблемой агрегирования показателей и также, как и при рассмотрении двух других рейтингов, здесь присутствует очевидный авторский произвол. Такого рода «вольности» в построении критериев и их агрегировании плохо сказываются на итоговых результатах, потому как даже небольшие изменения критериев и их пороговых значений могут существенно изменить ранжирование журналов. Более всего критических замечаний заслуживает сам способ формирования группы экспертов. Смещение пула экспертов в сторону специалистов, близких по своему мировоззрению к «Вышке», вкупе с произволом, допущенным в построении системы критериев и их агрегировании, делают полученные результаты весьма ограниченными для практического применения.

В целом же, оценивая рейтинг НИУ ВШЭ, следует констатировать, что в данном случае мы имеем дело только с экспертной оценкой, без учета библиометрических показателей и/или их комбинаций, полученной на основе социологического исследования, нерепрезентативного по отношению ко всему экспертному сообществу, с достаточно произвольным построением системы итоговых критериев и их агрегирования.

4. Ранжирование журналов: пассивный эксперимент

Рассмотрев три способа ранжирования российских экономических журналов, можно сделать вывод, что они представляют собой довольно разные по содержанию и возможностям применения рейтинги, каждому из которых присущи свои изъяны. Причем факт «близости» ранжирований журналов к интуитивным представлениям (*Муравьев (2013, с.144), Балацкий, Екимова (2015а, с.107), Проект НИУ ВШЭ... (2015, с.3)*) указывает на то обстоятельство, что

представления о «правдоподобии», по-видимому, и определяли сами процедуры ранжирования в каждом из подходов. Данное утверждение можно проверить в пассивном эксперименте, сравнивая полученные результаты с ранжированием журналов по трем дополнительным критериям, также построенным на основе экспертных оценок, библиометрической информации и их комбинации.

Для этого воспользуюсь результатами социологического опроса членов Новой экономической ассоциации, проведенного в 2011 и 2014 годах (*Рубинштейн (2011, 2014)*). В анкете, которую заполнили в 2011 году – 360 и в 2014 году – 234 респондента, присутствовали в том числе и ряд вопросов, близких по своему содержанию к анкете «Вышки». В выполненном исследовании был установлен размер аудитории читателей наиболее авторитетных российских экономических журналов, исходный список которых составлялся в соответствии с интуитивными представлениями. Данный показатель можно считать, в порядке эксперимента, рейтингом НЭА. При этом, как и в рассмотренных выше вариантах ранжирования, имеет смысл ввести две категории журналов – «А» и «В». Категория «А» присваивается журналу, если доля респондентов, вошедших в аудиторию его читателей, превышает 50% величину. Остальным журналам присваивается категория «В».

Кроме рейтинга НЭА, в основе которого лежит экспертный опрос, добавлю в эксперимент еще два рейтинга – пятилетний импакт-фактор журналов, построенный исключительно на данных о цитировании изданий, и science index, представляющий собой комбинацию библиометрических показателей и экспертных оценок⁷. При ранжировании журналов по каждому из этих рейтингов введем те же категории – «А» и «В». Для пятилетнего импакт-фактора категорию «А» присвоим тем журналам, у которых его величина превышает 0,700; для science index в категорию «А» войдут журналы со значением этого индекса больше 1,400. Все остальные журналы и в первом, и во втором случае получат категорию «В».

Никак не претендуя на создание рейтинга НЭА, как и на объективность полученного ранжирования по данному критерию и двум рейтингам РИНЦ (пятилетний импакт-фактор и science index), понимая всю условность их градуирования, замечу, что приведенная ниже таблица свидетельствуют, в частности, что результаты опроса (по очень близким анкетам) НИУ ВШЭ и Новой экономической ассоциации породили почти противоположное ранжирование журналов. Так, журнал «Вопросы экономики» и «Журнал Новой экономической ассоциации» по версии НЭА имеют категорию «А» и занимают лидирующее по-

⁷ Приведу в связи с этим фрагмент выступления на круглом столе XVI Апрельской международной конференции генерального директора eLIBRARY.ru Геннадия Еременко: «Перед нами сейчас стоит похожая задача по отбору журналов - для их размещения в базе данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science. Опирайтесь в этом процессе только на библиометрию не получится, мы будем привлекать экспертов...»

ложение среди других журналов, а по версии НИУ ВШЭ они получили лишь категорию «В», соответствующую среднему уровню экономических журналов (Табл.1).

Табл.1. РАНЖИРОВАНИЕ ЖУРНАЛОВ

Журналы	Рейтинги (библиометрические показатели)		Рейтинги (комбинация библиометрических показателей и экспертных оценок)		Рейтинги (экспертная оценка)		
	Муравьев (2013)	5 -летний им- пакт-фактор (2013)	Балацкий (2015)	SCIENCE INDEX (2013)	НИУ ВШЭ (2015)	НЭА (2011)	НЭА (2014)
Вопросы экономики	A	A	A	A	B	A	A
Журнал НЭА	A	B	A	A	B	A	A
Проблемы прогнозирования	B	A	A	A	B	B	B
Экономическая наука современной России	A	B	A	B	B	B	B
Экономика и математические методы	A	B	A	B	B	B	B
Экономический журнал ВШЭ	A	A	A	B	A	B	B
Общественные науки и современность	-	A	-	A	B	B	B
Финансы и бизнес	-	B	-	B	-	-	B
Прикладная эконометрика	A	B	A	B	B	-	B
Российский журнал менеджмента	A	A	A	A	A	-	
Мировая экономика и международные отношения	B	A	A	A	-	-	-
Вестник Санкт-Петербургского университета	-		B	B	-	-	-
Форсайт	A	A	B	A	A	-	-
Вестник Московского университета	-	B	B	B	B	-	-

Нетрудно заметить также, что совпадения ранжирования журналов нет по любой паре рейтингов. И, главное, нет никаких оснований для определения, какой из них лучше отражает положение дел. Обращает на себя внимание и тот факт, что отличий в ранжировании журналов по рейтингу А. Муравьева и пятилетнему импакт-фактору, как и по рейтингу Е. Балацкого и science index существенно меньше, чем отличий в ранжировании по каждому из этих рейтингов и рейтингу Вышки. Любопытно и то обстоятельство, что журнал «Вопросы экономики» по всем рейтингам, кроме Вышки, получил категорию «А». Наиболее приближен к нему по «однородности» оценок «Журнал НЭА» - («А» - в 5 из 7 случаев). И, хотя журналы «Экономическая наука современной России» и «Экономика и математические методы» имеют такую же степень однородности, инверсия оценок («В» в 5 из 7 случаев) свидетельствует о противоположных результатах ранжирования (*Табл.1*).

Эксперимент показал также, что рейтинг Вышки более высоко оценивает «свои» журналы и строго судит «чужие» издания, которые по другим рейтингам принадлежат к категории «А». Это еще раз подтверждает смещение оценок экспертов и нерепрезентативность их пула. Зависимость ранжирования от выбора экспертов демонстрирует и сравнение рейтинга Е. Балацкого с science index, который по методологии построения очень близок к индексу Е. Балацкого, но с участием большего числа экспертов. Их результаты оказались во многом противоположными (*Табл.1*).

Что же показал эксперимент в целом? Он продемонстрировал, что произвольное определение показателей, их агрегирование и выделение соответствующих градаций построенного рейтинга лишь на основе здравого смысла без соответствующих теоретических обоснований может приводить к совершенно разным результатам. И опять-таки единственным критерием их проверки остается интуитивное знание. Эксперимент показал также, что сам рейтинг существенным образом зависит от выбора группы экспертов.

Послесловие

Мне кажется, что результаты анализа рассмотренных рейтингов дают основания для выводов и более общего характера.

Во-первых, имеет смысл пересмотреть отношение к базе данных РИНЦ. Не следует искать в этой информации того, чего в ней нет, как и не нужно обвинять библиометрические показатели в том, в чем они не виновны. С точностью до манипуляций, с которыми надо бороться, это - объективная информация и потому, безусловно, может быть полезной. Дело не в самих библиометрических показателях, а в их использовании, в попытках с их помощью реифицировать категории качества научных статей и научной значимости журналов. Это проблемы самих исследователей. Никому же сегодня (может быть, только пока?) не приходит в голову использовать для ранжирования журналов по на-

учному уровню другие измеряемые показатели, например, число знаков в тексте средней статьи, число статей в журнале за год или двух-пятилетний период, тираж журнала и т.д. Это тоже полезная информация, но, как и показатели цитируемости, в ней нет ничего о качестве публикаций.

Во-вторых, для аналитических целей, возможно, имеет смысл строить композитные показатели, основанные, например, на таких исходных индикаторах, как разного рода импакт-факторы или «science index»; общее число цитирований статей, опубликованных в данном журнале; индекс Хирша за определенный период времени. При этом для агрегирования исходных РИНЦ индикаторов в композитный показатель следует, по-видимому, использовать методы многомерной статистики. Выбор весовой функции из каких-то общих соображений будет всегда носить несколько произвольный характер, затрудняя его использование, как для аналитических расчетов, так для иных целей.

В-третьих, я вообще не уверен, что существующее интуитивное знание, формирующее мнение экспертного сообщества о российских экономических журналах, нужно замещать какими-то формальными рейтингами. Если исследования в этой области будут продолжены, то на сегодняшний момент считаю единственным перспективным направлением для ранжирования журналов непосредственное измерение общественного мнения, актуализирующего интуитивные знания. Библиометрические показатели в этом случае могут и, наверное, должны служить определенным информационным фоном для экспертов, подталкивающим их к той или иной оценке. Это означает и то, что препарируемую соответствующим образом подобную информацию следует размещать непосредственно в анкетах для экспертов.

В-четвертых, совершенно очевидно, что социологические измерения мнения экспертного сообщества должны опираться на репрезентативную выборку экспертов. Это довольно сложная задача, которая и в практической социологии не всегда решается успешно. В связи с этим актуальными становятся исследования, направленные на выяснение общественного мнения для определенной части экономистов. Значимость таких экспертных опросов усиливается из-за фактической раздробленности экономического сообщества, представленного различными группами, внутри которых исследователям присущи близкое мировоззрение и отношение к современной экономической науке.

В-пятых, в связи с этим считаю полезным проведение исследований, подобных тому, что выполнено «Вышкой». Думается, было бы правильным организовать соответствующий мониторинг экономических журналов Новой экономической ассоциацией, одной из задач которой является объединение экономистов разных мировоззрений и научных школ. Полезным было бы проведение таких исследований и под эгидой специально создаваемого для этого экспертного совета, в состав которого вошли бы главные редакторы ведущих экономических журналов. Думаю, не лишним будет подобный мониторинг, проводи-

мый сообществом академических институтов и Ассоциацией независимых центров экономического анализа (АНЦА). Накопление таких данных станет хорошей базой для соответствующих научных исследований, которые пока, к сожалению, находятся на довольно низком уровне.

Литература

Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. Статистики цитирования // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). - М.: МЦНМО, 2011

Алескеров Ф.Т., Катаева Е.С., Писляков В.В., Якуба В.И. Оценка вклада научных работников методом порогового агрегирования, УБС, 2013, выпуск 44, 172–189

Алескеров Ф.Т., Писляков В.В., Субочев А.Н., Чистяков А.Г. Построение рейтингов журналов по менеджменту с помощью методов теории коллективного выбора – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 44 с.

Аукуционек С., Чуркина Г. Экономические журналы в период рыночных реформ // Вопросы экономики, 2002, №2, с. 130-145

Балацкий Е. Рейтинг лучших экономических журналов России // «Неэргодическая экономика», <http://nonerg-econ.ru/cat/9/8/>, по состоянию на 07.10.2015.

Балацкий Е., Екимова Н. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов // Вопросы экономики. 2015а, №8. С. 99-115.

Балацкий Е., Екимова Н. Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2015б, № 2. С. 166-178.

Дежина И.Г., Дашкеев В.В. Есть ли в России ведущие экономисты и кто они? - М.: Институт экономики переходного периода, 2008. - 21с.

Дуглас А., Фаулер К. Гнусные цифры // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). - М.: МЦНМО, 2011

Кемпбелл Ф. Бегство от импакт-фактора // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). - М.: МЦНМО, 2011

Муравьев А. А. О российской экономической науке сквозь призму публикаций российских ученых в отечественных и зарубежных журналах за 2000-2009 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т.15. №2. с.237-264

Муравьев А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. 2013, № 4. С. 130-151.

Проект НИУ ВШЭ по экспертному ранжированию российских научных журналов. // <http://grant.hse.ru/public/data/brochure.docx>, по состоянию на 07.10.2015.

Писляков В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования // Социологический журнал 2007, №1, с. 128-140.

Писляков В.В. Российские журналы по общественным наукам в зарубежных базах данных // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т.15. №2. с. 268–269

В. Радаев, М. Юдкевич, И. Стерлигов. Эффект ранжирования: кому поможет белый список журналов // Академическая среда № 03(34), 2015, с.1-4

Рубинштейн А.Я. Журнал НЭА и его читатели: социологический очерк // Журнал НЭА, №12, 2011, с. 150–160.

Рубинштейн А.Я. О Журнале Новой экономической ассоциации и других экономических журналах: итоги опроса читателей // Журнал НЭА, №3 (23), 2014, с. 175–187.

Федорец О.В. Коллективная экспертиза научных журналов: методика агрегирования экспертных оценок и построения рейтинга // Управление большими системами. 2009. Выпуск 27, с.12-35.

De Solla Price D.J. Citation measures of hard science, soft science, technology, and non-science // Communication among scientists and engineers / Ed. by C.E. Nelson, D.K. Pollak.: Lexington: Heath Lexington Books, 1970. P. 3-22.

Moed H.F. Bibliometric measurement of research performance and Price's theory of differences among the sciences // Scientometrics. 1989. Vol. 15. No. 5–6. P. 473-483

Nisonger T.E. JASIS and library and information science journal rankings: A review and analysis of the last century // Journal of the American Society for Information Science. 1999. № 50 (11). P. 1004-1019.

Rousseau R. Journal Evaluation: Technical and Practical Issues // Library Trends. – 2002. – Vol. 50, №3. – P. 418-439.

Schubert A., Glänzel W. Mean response time — A new indicator of journal citation speed with application to physics journals // Czechoslovak Journal of Physics. 1986. Vol. 36. No. 1. P. 121-125

Zwemer R.L. (1970). Identification of Journal Characteristics Useful in Improving Input and Output of a Retrieval System // Federation Proceedings, 29, 1595-1604.